

ЧУГУННАЯ СЛАВА УРАЛА

Сколько себя помню, этот чугунный сеттер, недоуменно замерший перед спрятавшейся в траве куропаткой, стоял в нашем доме на книжном шкафу. Когда-то он казался мне неподъемным. И если кто-нибудь из взрослых снимал эту скульптурную группу с высоты, я в который раз пыталась приладить сеттеру невестку как отвалившуюся однажды роскошный хвост, гладил холодные собачьи уши и изящный нос. И в те минуты казался он мне живым, вот-вот готовым прыгнуть с чугунной лужайки прямо в комнату...

Особую значимость в моем сознании этот пес приобрел еще и потому, что отлит он был из металла, который «плавят на комбинате папа». Вот там, говорили мне, показывая на темневшие за речной гладью Урала на фоне голубого неба силуэты доменных печей, из железной руды получают этот удивительный сплав железа с углеродом, из которого затем люди делают много полезных вещей. С тех самых пор слово «чугун» прочно связано в моем сознании с неповторимой красотой каслинских фигурок, которые еще несколько лет назад можно было найти в любой магнитогорской семье. Ведь по изяществу линий они могли бы соперничать с коллекционным мейсенским фарфором. Согласитесь, лучшего подарка к различного рода праздникам и придумать было невозможно. А уж если ехал в гости к друзьям за тридевять земель от Магнитки, и раздумывать было не о чем – витрины магазина «Сувенир», что на проспекте Металлургов, помилости от шкатулок и шкатулочек, ажурных тарелок и ваз, фигурных подсвечников и пепельниц, не говоря уж о всяких собачках, лошадках, детях, кормящих голубей или собирающихся на рыбалку... И были подобные сувениры к стати в любом доме в любое время года...

Много воды утекло с тех пор. Давно исчезла из окна-витрины «Сувенира» гигантская «Джигитовка» Евгения Лансера (одна из самых популярных каслинских моделей), магазин заполнился совсем иным товаром, да и называется теперь «Сувениром» больше по привычке, нежели по сути. И нынешнее подрастающее поколение с трудом узнает при случае в изящной чугунной фигурке в парике и ботфортах выдающегося русского полководца, не проигравшего в своей жизни ни одной битвы, — генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Что уж там говорить о бюстах Володи Ульянова или Феликса Дзержинского — их, по свидетельству Виктора Петровича Котлова, организатора проходившей в конце минувшего года в Магнитогорском краеведческом музее выставки «Уральские чугунные дел мастера», молodeжь либо вообще не знает, либо опознает с бо-о-ольшим трудом.

Выставка эта была, к стати, своего рода гимном чугунной славы Урала. Ее экспозиция объединила 250 образцов каслинского и кузнецкого литья, а также отливок, создававшихся в разное время по разным поводам на ММК и в мастерских профтехучилищ города, которые хранятся ныне в запасниках краеведческого музея, а также музея ОАО «ММК», индустриального колледжа, Дворца профтехобразования. Однако памятные доски, сувенирные отливки и даже медалионы к официальным датам — весь этот чугунный «официоз» остался в истории данью эпохе. Искусство же каслинских мастеров как все, имеющее подлинную, а не сиюминутную ценность, сумело перешагнуть свое время, заняв достойное место среди тех произведений, которые смело можно наградить гордой пометой «сделано в России!»...

А начиналось все очень давно — более двух с половиной столетий назад. Согласно документам, в 1746 году в Екатеринбургском уезде при озере Касли тьюльским купцом Яковом Коробовым был основан чугуноплавильный и железоделательный завод, который 5 лет спустя стал собственностью одного из братьев Демидовых. Впрочем, завод этот «вместе с мастерами и работными людьми» успел не раз поменять хозяев, прежде чем в 1809 году был наконец приобретен купцом Львом Расторгуевым. При нем и его наследниках пошла по России слава чугунного каслинского литья.

Правда, первые свои золотые и серебряные медали, почетные дипломы и прочие награды на внутрироссийских и всемирных выставках изделия каслинцев стали завоевывать почти полвека спустя. Ведь производство литья на продажу началось здесь лишь в 1841 году. Кумганы, катки, большие и малые сковороды, выюшки, задвижки, противни и кастрюли — вот главный ассортимент того «ширпотреба», что бойко расхаживал среди российского покупателя и отправлялся в Среднюю Азию. Художественные «безделушки», бывшие в то время на заводе редкостью, требовали усовершенствования производства и потому стоили дорого. А изделия «кабинетного» направления (чугунные столики, подставки, подсвечники) зачастую отливались в единственном экземпляре — спроса и моды на них особых не было.

Только в середине 70-х годов XIX столетия в Каслях появился первый профессиональный заводской скульптор. Выпускник Петербургской академии художеств М. Д. Канаев за дело взялся энергично. Открыл при заводе школу, где обучал рабочий люд основам мастерства лепщиков, литейщиков, чеканщиков. И надо отдать должное, народ подобрался здесь какой-то особенный — к тонкой работе чутье имеющий. Ведь не только статуэтки разные приходилось отливать. Ажурные брелоки и цепочки к часам, на каждое звеньишко которых шло всего по капле чугуна, умудрялись делать не хуже немецких ювелиров!.. А с Канаева и продолжателя заложенных им традиций академика скульптуры Н. Р. Баха начался в истории каслинского литья период подлинного торжества русского по происхождению и духу искусства...

«Будь эти отливки производимы во Франции или Германии, они были бы у всех и каждого на столе или популяризировали бы всевозможные, особенно древние и современные, произведения скульптуры, и бронзовые изделия должны были бы уступить много места такому литью, как каслинское...» Слова эти принадлежат перу русского химика Дмитрия Ивановича Менделеева, побывавшего в 1899 году на Урале. Не знаю насчет Германии и Франции, но стремление служить делу просвещения масс отличалось на рубеже XIX-XX веков именно Россию. Достаточно вспомнить хотя бы о том, что те же французы изобрели первую почтовую открытку из сугубо практических соображений — для облегчения веса почты, доставлявшейся в период франко-прусской войны по воздуху из оккупированного врагом Парижа. А Россия немногим позже догадалась с помощью этого небольшого кусочка картона вести широкую пропаганду мало кому известных к началу минувшего века не только за рубежом, но и в самой России

ший 100 лет назад всю просвещенную Европу.

Сегодня этот шедевр (вернее, точная его копия), является украшением огромной постоянно действующей экспозиции истории каслинского литья, развернутой в Екатеринбургском музее изобразительных искусств. Впервые многочисленные детали этого гигантского сооружения были отлиты и смонтированы каслинскими мастерами в 1896 году для Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде. Чугунный колосс в византийском стиле, представивший тогда взорам россиян, покорила публику своей мощью и величием. Павильон, являвшийся по сути дела витриной, в которой были выставлены образцы фигурного литья, решили отправить на Всемирную выставку 1900 года в Париж. Однако немного позже выяснилось, что скупой на территории Запад отводит для уральских горных заводов в русском отделе Парижской выставки куда меньшую площадь, чем представляли нижегородцы.

Словом, проект пришлось менять, и заказан он был петербургскому архитектору Е. Е. Баумгартену. Вход в павильон украшали кладовые кони и величественная женская фигура в кольчуге и богатырском шлеме с мечом и щитом в руках — «Россия» работы скульптора Н. Лаврецкого. А два выхода, предназначавшихся для посетителей, охраняли чугунные Гермес и Аполлон (мимо них проходили те, кто сделал покупки) и Дон-Кихот и Мефистофель (для тех, кто уходил не потратившись). Фантастические драконы, птицы и звери, вплетенные в чугунный орнамент, эффектно выделялись на золотистой дублировке стен и оттенялись благородством драпировок из красного бархата. Высота уникального архитектурного сооружения, над которым трудились 25 мастеров, составляла 4,5 м, а весила вся конструкция 4,5 тонны.

Мудрено ли, что павильон был безоговорочно удостоен хрустального Гран-При Всемирной выставки и Большой золотой медали. Более того, нашелся покупатель, который пожелал приобрести русское чудо за баснословные деньги. И выдвинул единственное требование для осуществления сделки: павильон будет куплен только вместе со всеми выставленными в нем экспонатами, в том числе статуей «Россия». И вот здесь случилась заговздка. Российская сторона соглашалась отдать все, кроме «России». Однако покупатель настаивал. И тогда, по преданию, присутствовавший на выставке управляющий Кыштымскими горными заводами П. М. Карпинский отчетливо произнес: «Россия» не продается!»

Слова эти решили исход дела — каслинский павильон отправился назад, на далекий Урал. Здесь ему суждено было долгие годы простоять в разобранном виде без дела. Потом в стране произошло три революционные и гражданская война, в пламени которых сгорели чертежи и модели, а многие чугунные фрагменты попросту бесследно исчезли...

Восстановление павильона началось лишь в 1949 году, когда чудом удалось отыскать 3 фотографии, сделанные некогда в Париже. Какой же силой духа

произведений русской живописи. Приблизительно то же произошло и с чугунными «безделушками» из Каслей. Начавшись как промысел чисто прикладного назначения, копировавший приглянувшиеся заказчику модели, вывезенные из Западной Европы, к началу века XX каслинское литье популяризировало лучшие работы русских и зарубежных скульпторов. Начав с миниатюрных копий произведений Петра Клодта (автора известных во всем мире «Укротителей коней») на Анничковом мосту в Петербурге, каслинские мастера воспроизводили затем в чугуне «Вольтера» Ж. Гудона и «Дон Кихота» Ж. Готье, скульптурные портреты русских деятелей культуры работы Р. Баха и жанровые сцены Е. Лансера. Помните «Лошадей на воле», «Зубра», «Прощание казака с казачкой», «Тройку летом», «Крестьянина на пашне»? Автором последнего, к стати, был скульптор-самородок Василий Торokin — один из тех художников-самоучек, что имели талант от природы, а сноровку приобретали в деле. Их было немало, мальчишек, сизмальства вертевшихся в литейной и с детства постигавших красоту невзрачного на вид металла. А рядом с В. Торokinым стоят в истории Каслей имена Д. Широкова, К. Тарасова, Н. Выхляева... И вершиной виртуозной техники уральцев стал, безусловно, знаменитый каслинский павильон, покори-

нужно было обладать мастерам, решившимся полвека спустя буквально «на глаз» возродить то, что, казалось, было утрачено страной навсегда! Но сначала рушить, а потом совершать подвиги во имя славы Отчизны — одна из многочисленных и почти необъяснимых для любого иностранца «слабостей» русского человека.

К 1957 году удалось отлить заново около тысячи(!) деталей. А год спустя в Екатеринбурге со-

стоялось торжественное открытие павильона, который ныне внесен в Международный музейный каталог как уникальный художественный памятник мирового значения...

Я бродила по выставке в краеведческом музее, почти вся экспозиция которой, несмотря на значительное количество экспонатов, смогла разместиться в одном небольшом зале. Бродила и, вглядываясь в чугунные фигурки, узнавала собственное детство. Говорят, за все послереволюционные годы литейный цех Каслинского машиностроительного завода создал всего 150 новых скульптур против тех 700, что числились в дореволюционных каталогах. Но все равно все эти «Дети с голубями», «Коты в сапогах», «Коньки-горбунки», балерины и теннисистки из 60-70-х «нашего времени» останутся символами того прошлого, когда мир был добрее и светлее. Не было в нем ни американских «ужасиков», ни черепашек «ниндзя», ни «тамагочи», ни прочих заокеанских уродцев, на образах которых воспитываются ныне подрастающие поколения россиян.

Поверьте, я не склонна идеализировать то, что ушло навсегда. Но, согласитесь, было в том нашем прошлом не так уж мало хорошего, если мои ровесники имели возможность не только в музеях знакомиться с произведениями, имеющими непреходящую ценность. Ведь совершенство линий необходимо воспринимать не только «на глаз». Прикосновение к прекрасному в прямом, а не фигуральном смысле этого слова имеет в детстве куда большее значение, нежели умозрительные рассуждения о чувстве прекрасного.

Что же получили мы взамен сегодня? Баснословно дорогих барышень и собачек из английского фарфора? Не менее дорогие масленки, потсигары, солонки, бювары из неопознанных металлов, привозимые все из-за того же «бугра»? Весьма сомневаюсь, что способны они воспитать в российском ребенке чувство подлинной красоты — уж больно претенциозны на вид, чужды по духу русскому взору да и далеко не всякому родителю по карману.

Отливать же чугунные фигурки в Каслях, говорят, ныне просто невыгодно — труда требует большого и времени. А продавать их по высоким ценам при наших среднестатистических доходах на душу населения — покупателей мало найдется. Так что сокращается производство, забываются традиции... Собратьев того сеттера, что все еще стоит в нашем доме на книжном шкафу, можно найти сегодня на полках антикварных магазинов. Но слава и гордость страны, как и ее историю, нельзя списать в «антиквариат» и продать с аукциона. Их можно отодвинуть в

тень или забыть вовсе. Время само расставит все по своим местам. Да и уральский чугун — материал крепкий. Любого фарфора, бронзы и мельхиора вместе взятых долговечней окажется. Вот только бы годы, отпущенные на возвращение утраченного, не превратились бы на этот раз в вечность...

В. ЗАСПИЧ.